

Сергей Телюк

СУБЪЕКТИВНА
ДАННОСТЬ

ДАННОСТЬ

Сергей Телюк
СУБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ
2026

Сергей Телюк

СУБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ

МОСКВА
«РАДУГА»
2026

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 5-7
Т 31

В оформлении раздела «Кое-что о Юливанне»
использованы рисунки
Ирины Телюк

Телюк С. Ю.

Т 31 Субъективная данность: Стихи, истории. –
М.: Радуга, 2026. – 108 с., илл.

Новая книга Сергея Телюка «Субъективная данность» – это избранное, в которое вошли как бы вдогонку:

в окончательной авторской редакции стихи из «Трёхкнижия» (2014), по разным причинам не включённые в книгу «Незатерянный островок» (2026), приуроченную к 70-летию автора (как известно, родившегося в Москве 29 марта 1956 года);

а также видеоизменённый вариант бесед на кухне у Юрия Влодова из книги «Однажды в XX веке» (2014).

ISBN 978-5-6051361-2-5

© С. Ю. Телюк, 2026 г.

© И. В. Телюк, иллюстрации,
наследники, 2026 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Мир. Дочь склонилась над листом:
впервые букву «М» рисует,
чуть ниже – накрённый дом
забыт, и словно бы тоскует.

Задумчиво сидит жена.
Лениво двигаются спицы.
То кажется, что спит она –
то кажется, что ей не спится.

Хотя привычна тишина,
но сколько там ещё – кто знает?
В безмолвной черноте окна
декабрь блекло проступает.

Декабрь 1984

ИГРЫ В ШАХМАТЫ С ЖИВЫМИ ФИГУРАМИ

Я стою на чёрном поле. Я шахматная фигура.
Мой король загнан в угол, его губы побледнели,
а королева бесцеремонна, как шлюха на панели,
в ожидании того, чем это закончится. Дура!
Ведь сыграна только первая партия.

Октябрь 1989

* * *

Ещё зимнее утро скрыто полумраком, но в метели за окном
чья-то машина всё ж таки завелась,
затарахтела как будто без умолку.
И вот уже два луча пробились между шторами,
и словно шарят по потолку, разыскивая нечто забытое.

Декабрь 1991

ВАРШАВСКИЙ МОТИВ

Евгению Шустову

На стареньком польском «Фиате» –
прелестном антиквариате,
который ещё на ходу –
в две тысячи первом году,
в апреле, дорогой шершавой
кружила ночью Варшавой
четвёрка престранных друзей
(я сам был свидетель, ей-ей).
Фотограф и бард, два поэта –
хотя разговор не про это:
искусство, конечно, роднит,
но важно какой колорит!
Ведь вовсе такое не снилось –
им встретиться в Польше случилось.
Несвойственен данный пример
родившимся в СССР.

Май 2001

* * *

Памяти художника Андрея Апухтина

Ни облачка над ней...
Июль. Деревня.
Рай комаров, слепней –
лишь голос певня
своим «ку-ка-ре-ку»
в жару тревожит,
вокзальному гудку
созвучья множит...
От будущих потерь
одна морока –
куда ещё теперь
зовёшь, дорога?

28–29 июля 2001

* * *

Как осень неожиданно пришла –
так иногда сменяют покрывало:
вот кажется уже, что не бывало,
да и не будет в этот год тепла.

Зелёно-красно-жёлтая листва
заполнила ближайшее пространство.
И толку-то! Богатое убранство –
неясно, для какого торжества.

А световой день тает не спеша.
Меняется его предназначенье.
Всё дольше в окнах огоньков свеченье,
всё умиротвореннее душа.

Сентябрь 2003

* * *

Римме Казаковой

Стоит начаться осенним дождям –
сумрак, нахлынув, заполнит пространство.
Дворикам, улицам и площадям
прежде – представится, как самозванство.

Будет казаться, что в жизни всё так:
только унынье, да только ненастье,
предполагающее полумрак,
где никакого намёка на счастье.

И не спасителен дружеский круг,
если почудиться может Иуда...
И одиночество, словно недуг,
не исключает грядущего чуда.

Октябрь 2005

ЗАРИСОВКИ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УКРАИНЕ

1.

А славяне шли с заката на восход,
заселяя всё новые места –
подзабыли люди приднепровский род,
и окраинным назвали спроста.
Разберись-ка теперь – край какой страны?
Хочешь, коршуном взвейся – суета...
Но в граде Кия купола золочены
и крещенская тропинка крута.

2.

Жаворонки в небе. Мазанки невядалеке.
Утопают босые ноги по щиколотку в пыли.
Здесь почти за любым плетнём предостаточно земли
с вишней и кукурузой, свиной в уголке.

В хуторе под Черниговом безлюдно... И жара
такая, что при безветрии не спрячешься и в тени;
а после полудня она и вовсе безнадёжности сродни –
как будто бы не настанет вечерняя пора.

2004–2005

* * *

Владимиру Фирсову

Под Грюнвальдом смоленские полки,
не проклиная своего удела,
стояли насмерть – ради пользы дела
сражались, положенью вопреки.

Издалека они пришли сюда.
И православием не то чтобы кичились,
но непривычно для иных крестились,
не сомневаясь, чья тут правота.

И солнце скрылось, обагрив закат,
хоть было днём, как шар, большеголово...
Прародичи сдержали своё слово,
не дрогнув от погибельных утрат.

Октябрь 2005

* * *

Я один в этом жухлом пространстве,
на сморённой ненастьем земле.
В незаснеженном мёртвом убранстве
ещё тлеет надежда во мгле.
Я её защищаю подспудно
на пронизывающем ветру –
зря предзимье вещует занудно:
не поверю, что всё не к добру!

Мне ли сетовать на неудачи,
если, сколько ни помню себя,
я всегда был способен дать сдачи –
или жить, все невзгоды терпя.
Азиат в европейском обличье,
а быть может, и наоборот –
я привычен своим неприличьем,
доставляя немало хлопот.

Ноябрь 2005

* * *

На могиле отца запустенье.
День осенний всё тает и тает.
Дополняя собой впечатленье,
вороньё над церквушкой витает.

Листопад – как бы выждав начало,
ветер вдруг словно фантики мечет.
Лето выдохлось и отзвучало:
если раньше был чёт – нынче нечет.

Сентябрь 2006

НАСТРОЕНЧЕСКИЙ МИКСТ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Агенту Нулёву

1.

Во времена глобальных перемен,
следя за обновлением антуража,
вдруг понимаешь: происходит кража,
но ты при этом – словно манекен.

Опустошается не магазин,
а мир сугубо личного порядка,
где старый дворик, что седая прядка,
имеет смысл, и даже – не один.

О, всё тщета... Повсюду «громадьё»...
И взгляд критичный никому не нужен.
По мне – уж лучше буду офранцужен.
Прощай, моя Московия! Adieu!*

* Adieu! *фр.* [адьё] – прощай(те)!

2.

Дружок, припомни, как юнцами
мы вовсе не смотрели вспять,
теперь же нечего пенять –
не сходятся концы с концами.

Эпоха немощных генсеков
полузабыта потому,
что оказалась ни к чему
среди современных человекoв.

Сегодня лидеры, возможно,
искусней вешают лапшу –
не торопись шутить, прошу:
здесь разобраться крайне сложно!

3.

Кто знает, что реально неуместно.
В ночную тишь надсадный рёв машин
подчас тревожит черноту глубин –
дальнейшее не всякому известно.

Но в результате некой переклички,
нелепой очерёдности во сне –
внезапно отзывается во мне
звук методично чиркающей спички.

Неужто это я – собственноручно.
Найду ли выход в той кромешной тьме,
как будто неизбывной на уме?
Ах, кончилось бы всё благополучно!

2007–2008

* * *

Уставясь в бездонность полночных небес,
в мерцающую безграничность пучины,
казалось мне, что без особой причины
ты звёзды считала... Какой интерес?

Теперь тебя нет. Я в ночи одинок.
Быть может, сравнения тут неуместны,
но тягостен пристальный взгляд этой бездны –
так школьнику не поддаётся урок.

Сентябрь 2010

* * *

Льву Иванову-Аннинскому

И приходит весна, время надежды на лучшее,
и сегодняшняя боль становится вчерашней –
но всё равно не исчезает...

Март 2012

АКРОСТИХИ

1.

Гладь морская до горизонта.
Лижут волны прибрежный песок.
И кафе наше как островок
На просторах Эвксинского Понта.
Скифы и, конечно, сарматы
Колобродили в далях иных.
О, какое нам дело до них?
Йо-хо-хо – мы почти что пираты!

Лей в бокалы вино сухое...
Южный берег – Кавказ или Крым:
Да, неплохо мы тут сидим,
Если выдумалось такое.

2.

Серебровы в Ильинке.

Ехать пару часов.

Ранний выезд – нет слов!

Где Москве до глубинки?

Ерундовая шутка.

Юксель-муксель-тусяк –

и выходит никак.

Есть в запасе минутка...

Ликовать невозможно.

Еле в теле душа.

Надо встать не спеша.

Ещё как-то тревожно.

3.

Море. Алееет над мысом закат,
И плещутся волны неугомонно,
Не набегая ожесточённо,
а словно меняя на ночь расклад –
Как будто настанет скоро пора
От разных дел отстраниться немного:
Выспаться или же ненадолго
Отдохновенно вздремнуть до утра –
Йо-моё, можно ведь и помечтать...
Рай – вроде нечто забытое нами,
а не утраченное с годами –
Если ты хочешь, давай вспоминать!

Июнь–август 2019

НА КАЧЕЛЯХ

Движенье вниз, движенье вверх –
то ты, то я – попеременно
взмываем на виду у всех
и опускаемся смиренно.

Со стороны, скорей всего,
всё выглядит не так серьёзно,
но если нам не до того,
то эта данность судьбоносна.

Сентябрь 2019

ИЗ НАБРОСКОВ С НАТУРЫ

1.

С начала нынешнего века
частенько в феврале нет снега.
Да, здесь иного не дано,
но привыкать – не всё равно.

Прикинь, хорошенькое дело:
куда ни глянь, повсюду серо.
Вот человек, дорога, дом –
нет разницы большой кругом.

А если и на небе хмуро,
совсем безрадостна натура.
И хочется завывать с тоски,
припомнив прежние деньки.

2.

Без глупостей, вполне возможно,
и жить на белом свете сложно –
посмотришь в даль из-под руки:
до горизонта знатоки.

Но стоит подождать немного –
ба! – идиоты на дорогах
проносятся туда-сюда,
спеша неведомо куда.

2019–2020

* * *

Лишь высветится горизонт на небе,
и ночь сдаёт позиции свои –
бывают совпадения нелепей,
но только гаснут в городе огни.

И люди просыпаются активно.
Дела земные вовсе не пустяк.
Средь них любая мелочь конструктивна –
не дай бог, если это всё не так!

День кончится – улягутся заботы,
коль это соответствует судьбе.
И открывая звёздные высоты,
Вселенная напомнит о себе.

Май–июнь 2020

* * *

Не намекая даже на предтечу,
вновь соглашусь: бывает в жизни трудно.
Так сделай же скорее шаг навстречу,
ведь наше притяжение – обоюдно!

И если нет при этом подоплёки,
то ошибиться не принципиально –
забудутся терзанья и упрёки,
как некий жест, мелькающий прощально.

Останутся одни лишь впечатленья –
подобно бабочкам, порхающим на воле,
где вовсе нелогичны сожаленья
и рассужденья о душевной боли.

Октябрь 2021

НЕСУТОЧНОЕ ДЕЛО

1.

Допустим, был ты гениален,
но лишь родился – тривиален.
То непонятливо молчишь –
то не пойми чего кричишь.

Пусть всё останется в секрете.
Коль ты уже на белом свете,
то надо привыкать к нему,
и прошлое тут ни к чему.

2.

Венчание на жизнь нешуточное дело,
в котором сам новорождённый ни при чём.
Он безразличен к разговорчикам о нём,
и только ножками сучит столь неумело.

А всем встречающим его на белом свете,
неудивителен божественный расклад,
где вредоносны даже мысли наугад,
поскольку результат заведомо конкретен.

Немного позже завершения обряда,
не понимая сути истинных причин,
в свой путь малыш отправится один,
со смутным ощущением, что так и надо.

2019–2021

* * *

Про город Борисов услышу – в ответ
под стать ностальгии меня лихорадит:
как будто бы не был там больше ста лет.
В те годы в Москву переехал мой прадед.

Конечно, всё переменилось давно.
Теперь Беларусь – чуть ли не заграница.
Она ведь иначе устроена, но
куда ни посмотришь – славянские лица.

И даже уклад их сродни (точно наш!)
кораблику с латаными парусами –
тут главное качественный экипаж,
и чтоб капитанствовал дока над вами.

Ноябрь 2021

* * *

Вот за окном фонарь погас.
Не спится что-то в ранний час.
Ещё бы подремать немного,
но есть невнятная тревога.

В ней чья-то кроется вина.
Ведь не разруха, не война –
почти что мирная эпоха –
и непривычно ждать подвоха.

Чу! Где-то выше этажом
не заглушает звук бетон –
пронзительно ребёнок плачет:
беда случилась, не иначе.

Декабрь 2021

* * *

Веселится солнце за окном.
Дождь с усердием стучит в стекло.
Ветер гонит листья помелом –
дворнику тут явно повезло.

И хотя претензий к рифмам нет,
но смущает вовсе не пустяк.
Если откровенно, тет-а-тет –
есть по части смысла явный брак.

Ведь неточностей полным-полно,
да и вообще сплошной дурдом,
где по воле авторской дано
солнцу веселиться за окном.

Январь 2022

* * *

А в январе покуда всё путём.
Цветы на фоне снега за окном
как будто оформление страницы.
Чу, хлопотливо тенькают синицы!

Им данные придумки невдомёк,
ведь нынче ясный выдался денёк
и даже ощутимо потеплело,
что зимнею порой – благое дело.

Январь 2022

* * *

Совсем недавно пару дней подряд казался бесконечный снегопад каким-то новоявленным потопом, где тротуары низводились к тропам.

И в этом катаклизме городском обозначался пешеход штрихом случайным – так бывает, между делом рисуют на стекле заиндевелом.

Лишь позже прояснилось – всё зазря. Примерно с первых чисел февраля зима как будто распустила нюни – она теперь не та, что накануне.

Февраль 2023

* * *

Круг замыкается. Вот-вот спадёт листва.
Уже заметно оскудели кроны,
и в законе антураж знакомый –
на первый взгляд в нём прежняя Москва.

Но видятся холодные тона́,
в отличие от ясных дней весною –
и оттого иначе под луною:
не воодушевляют времена.

И запахов лишённые цветы
лишь только память бережат нелепо,
да звёздами в ночи мерцает небо,
превознося надежды и мечты.

Октябрь 2024

* * *

И новый век не слаще предыдущих.
Что толку от фантазий вездесущих,
похожих иногда на индюков,
политиков, провидцев, знатоков.

Галдёж не прибавляет оптимизма.
Не слышно скрежетаний механизма.
Жизнь вроде бы идёт сама собой,
как будто обделённая судьбой.

Иной раз, правда, чувствуется время,
вернее, хаотичные мгновенья:
то звонкая доносится капель,
то завывает за окном метель.

Ноябрь 2024

* * *

Зима проходит словно втихаря.
Последняя неделя января,
а снега нет, и поутру плюс пять –
ещё бы солнцу в небе засиять.

Тогда бы мог представиться апрель.
Но не слышна весёлая капель,
и ночь пока по-прежнему длинна –
никак не получается весна.

Не чувствуется внутренний посыл.
Хотя и в том, что есть – понятен смысл
покорности унылою порой,
особенно, коль возраст пожилой...

Январь 2025

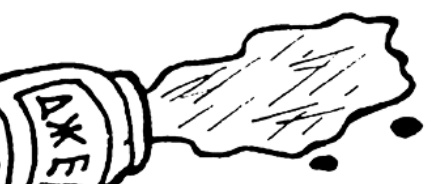
КОЕ-ЧТО
О ЮЛИВАННЕ

Избранное

*(Вольный перевод
с детского на взрослый)*

ЮЛИВАННА

КОЕ-ЧТО О ТОМ, О СЁМ

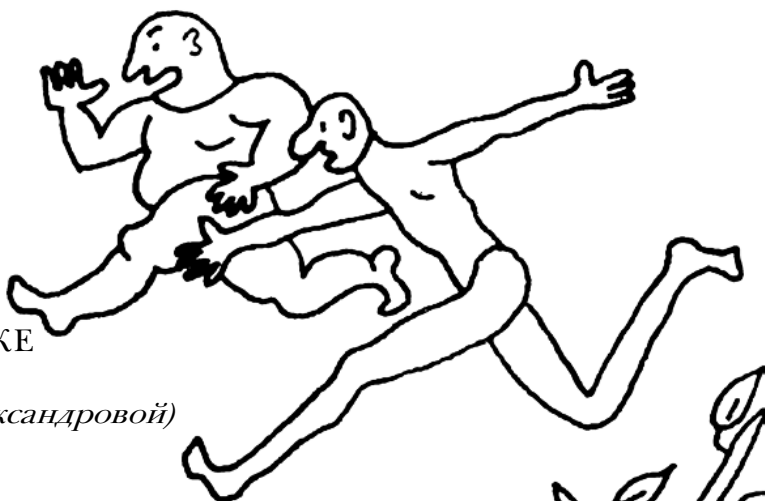
(Из Бориса Заходера)

На днях, не помню сам зачем,
Забрёл я к Юливанне в дом.
Мы пили чай и ели джем,
Болтали с ней о том, о сём.

Мы обсудили, кто, когда,
И почему, зачем, на кой,
Откуда взялся, и куда,
И где теперь такой-сякой;

Что было раньше, что потом,
Как вышло так, что Боже ж мой,
И что мы думали о том,
Той, злополучною зимой!

Когда же мы доели джем
(Он был, мне помнится, неплох),
И не осталось больше тем –
Мы дружно выдохнули «ох».

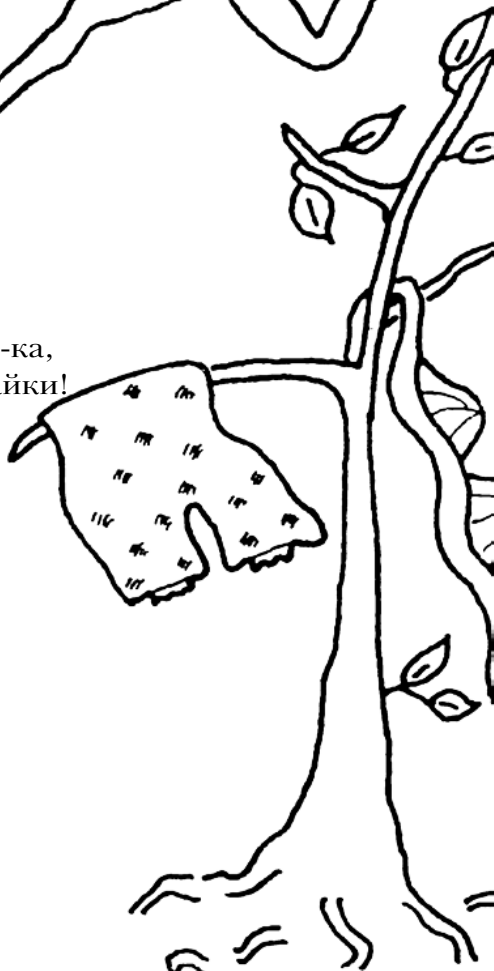
ВЕТЕР НА РЕЧКЕ

(Из Зинаиды Александровой)

Возле речки голоса,
На лугу ромашки...
Юливаннины друзья
Бегают в пятнашки.

По дорожке побегу, побегу, поймай-ка,
Беленькие трусики, пёстренькие майки!

Юливанна тоже тут.
Пикничок в разгаре:
Песен хором не поют –
Все и так в угаре.

Веселятся от души, кружат по лужайке
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

В этой девственной глуши
Голыми по пляжу,
Искупавшись, побежим –
На песочек ляжем.

Ветер дунул невзначай – и летят, как чайки,
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

Юливанна, мы с тобой –
Ну-ка, без оглядки! –
Засверкали вразнойбой
Озорные пятки.

Ух, догнали!.. На кусты сели дружной стайкой
Беленькие трусики, пёстренькие майки.

ПРО ТУБЕРОЗУ

(Из Сергея Михалкова)

Это кто накрыт в кровати
Одеялами на вате,
Скрылся в толще с головою
И не думает встать?
Кто, поднявшись еле-еле,
Удирает от постели,
Чтоб горячею водою
Щёки в ванной умыть?

Это, верно, наш сосед
Неопределённых лет?
Нет.

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО
И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО?

(Из Владимира Маяковского)

К Юливанне

внук пришёл,
и спросила кроха:
– Доллар – это
х о р о ш о,
или доллар –
п л о х о?

Взяв на полке
абрикос –
угостить внучонка –
Юливанна
на вопрос
отвечала
звонко.

– Доллар?!
Если его нет
или есть,
но малость –
это плохо.

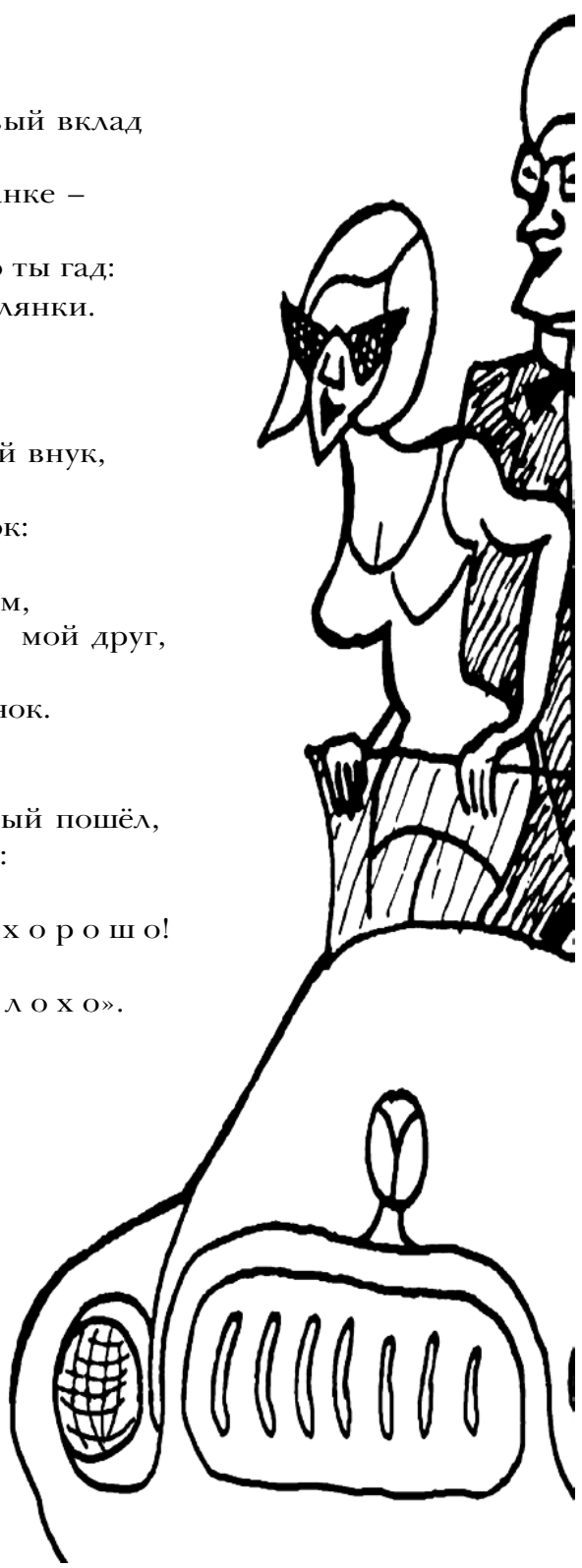
Скажут вслед:
ах, какая жалость!

Если ж
 долларовый вклад
в заграничном
 банке –
скажут люди,
 что ты гад:
жди от них подлянки.

Помни
 это,
 каждый внук,
каждый
 ребятёнок:
вырастешь
 козлом,
 мой друг,
если ты –
 козлёнок.

Мальчик
 радостный пошёл,
и решила кроха:
«Знаешь меру –
 х о р о ш о!
А не знаешь –
 п л о х о».

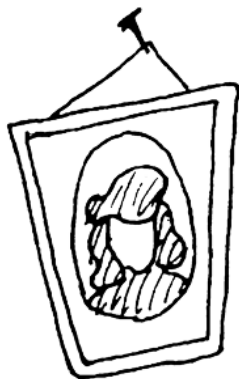

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ ЮЛИВАННЫ

(Из Даниила Хармса)

- Знаете?
- Не знаете?!
- Ну, конечно, знаете!
- Ясно, что вы знаете!
- Несомненно, знаете!

- Вы же знаете, что **У**?
- Вы же знаете, что **Ю**?
- Вы же знаете, что **ЛИ**?
- Что у Юлии Ивановны
Нынче день рождения?
- Это вам ведь не крестины,
Впрочем, и не именины,
Впрочем, что к чему понятно
И без обсуждения.

– Ну, вы скажете нам: **НА**?!

Ну, вы скажете нам: **ХА**?!

Ну, вы скажете нам: **ЛЫ**?!

Ну, вы скажете: нахалы,

И откуда только прыть?!

Нет бы выйти с дифирамбом,

Или вот хореем-ямбом

(Или как-нибудь ещё)

Посвященье сочинить.

Кстати вспомнить внучку тут:

Анечкой её зовут!

Да и про внучка Илюшу

Что-то присовокупить!

А не то чтоб водку пить.

– Мы же возразим вам: **ПО**!

– Мы же возразим вам: **СТОЙ**!

– Мы же возразим вам: **ТЕ**!

– Мы же возразим: постойте,

Это вовсе не мура!

– Ваши происки напрасны –

Наши помыслы прекрасны.

С днём рожденья, дорогая

Юлечка! Ура! Ура!

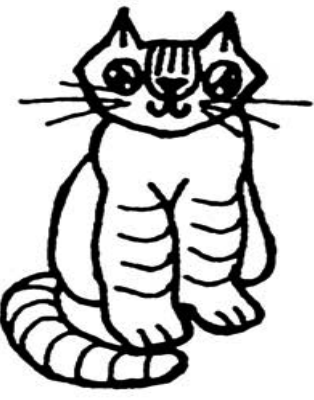
– И ещё разок: УРР-А-А-А!!!

Август–сентябрь 1998

чуча

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

Избранное

(Из бесед на кухне у Юрия Влодова)

ОТ АВТОРА

(из книги «Однажды в XX веке», год издания: 2014)

Пересказывая устные истории легендарного московского поэта Юрия Александровича Влодова от его имени с одобрения рассказчика, я мог бы считать себя соавтором (кстати, мэтр признавал меня собратом по перу). Но дело в том, что услышанное не записывалось мной ни на диктофон, ни на бумаге – а фиксировалось только в памяти. И потому теперь невозможно отделить реалии от моего собственного вымысла.

В чём я и признаюсь.

Итак, с благословением, данным мне Юрием Александровичем, начинаю*...

* Увы, дорогие читатели, вам самим придётся решать, что в нижеследующей субъективной данности правда, а что – вымысел.

СЕМЬЯ, СЫНОЧКА...

Однажды в годы Гражданской войны в один из украинских городков вошли красные. В то же время там находился антрепризный театр, который, разъезжая по «городам и весям», выступал и перед красными, и перед белыми, и перед зелёными...

– Кто играл перед белыми? – строго спросил труппу, собравшуюся в своём, стоявшем в тупике, вагоне, вошедший матрос.

– Я – антрепренёр этой труппы! Что угодно?! – выступил вперёд знаменитый российский трагик Райский.

– А ну ходи, контра, на коридор! – скомандовал матрос. Вывел его из вагона и застрелил.

А оставшаяся без антрепренёра труппа, скорбя о происшедшем и помогая его молодой вдове Наде Надеждиной, продолжила свои выступления.

Больше всех в помощи актрисе усердствовал участник гастролей Шура Влодов, бывший на пять лет младше неё. По прошествии двух лет по обоюдному согласию они стали мужем и женой.

Это были мои родители: Надежда Борисовна Тимошенко (Надеждина) – дочь православного священника, и Александр Захарович Левицкий (Влодов) – племянник «короля Одессы» Мишки Япончика.

В одной из ссор в конце 40-х я услышал, как родители выкрикивали друг другу: «одесская морда» (кричала мама), «рязанская свинья» (отвечал отец).

Тогда я спросил у мамы: почему они до сих пор живут вместе?

– Семья, сыночка... – отмахнулась от вопроса мама.

НЕЛЬЗЯ! ВОЖДЬ!

Однажды мама решила провести свой отпуск вместе со мной в Харькове, у родственников. И вот, в конце мая 1941 года мы отбыли из Москвы.

Но по известным причинам всё пошло наперекос. Отступление Красной Армии из Харькова и оккупация его немецкими войсками происходили с калейдоскопической быстротой. И мы с мамой в возникшей неразберихе не смогли эвакуироваться.

Вошедшие в город немцы, к тётке и бабушке, у которых мы жили в полуподвальной квартире в центре, подселили двух офицеров гестапо – Вилли и Курта. Они были из разных сословий (первый – барон, второй – мясник) и, когда выпивали, нередко ссорились. К нам же они всегда относились хорошо: охраняли своим присутствием, усиленно снабжали продуктами – чем в итоге помогли выжить.

Как-то раз Вилли, придя в нашу комнату за солью, заметил под кроватью журнальный лист с портретом Сталина (видимо, он висел на стене и, упав, оказался забытым в наступившей неразберихе).

– Нельзя! Вождь! – подняв иллюстрацию, сказал он.

И отдал её маме.

РАЗВЕДКА, ПАЦАН!

Однажды я, будучи ещё мальчишкой, наблюдал в Харькове, как наш управдом Кузьмич ходил с гестаповцами по квартирам.

Он стучал или звонил в очередную дверь и кричал:

– Мадам, откройте! Гестапо.

Кузьмич был известным в округе выпивохой, и его, по всей видимости, не очень-то интересовало, какая власть в городе. Он оставался бессменным управдомом, как говорится, и при белых, и при красных.

– Мадам, откройте! НКВД, – выкрикивал он с той же узнаваемой интонацией и до, и после войны.

Я спросил у него, что означает его двуликость?

И он, после хмельной отрыжки, ответил:

– Разведка, пацан!

Я ВАМ ПОКАЖУ, ТЫЛОВЫЕ КРЫСЫ!

Однажды Красная Армия на непродолжительное время заняла Харьков. И в преддверии отступления была организована эвакуация.

Людей вывозили товарняками, с частыми и продолжительными остановками в пути (из зоны бомбёжек мы выезжали около месяца). Питались различной ботвой, сырым выкопанным картофелем – в общем, чем Бог пошлёт.

Каждое утро из вагонов выгружали мёртвых. Но мы с мамой жили ещё и надеждой, так как узнали, что все московские театры были эвакуированы в Кемерово, Новосибирск и Томск. И поэтому наша конечная цель была определена.

Вместе с нами в вагоне ехал ненормальный хромоногий моряк-фронтвик.

– Я – герой! Я вам покажу, тыловые крысы! – периодически выкрикивал он, наводя жуть на женщин и детей.

И вдруг ему захотелось лечь спать именно в том углу, где сидела молодая женщина с грудным ребёнком. Он выхватил у неё ребёнка, и – выбросил в проём двери движущегося вагона. Женщина бросилась со звериным воплем на хромоногого. Раздирая его лицо ногтями, она вытолкала моряка в тот же самый проём и сама выпрыгнула из вагона.

Всё это пронеслось, как фантом, но осталось в моей памяти.

Я ВАМ БУДУ ОТЧИМОМ

Однажды в разгар зимы приехала в Березники большая фигура – авторитетный вор Егор Татарников. В пятидесятиградусный мороз он стоял на верхней площадке перед входом в кинотеатр (в добротном пальто, меховой шапке, перчатках – как инженер) и смотрел тоскливым взглядом на проходящие мимо беззаботные парочки. А возле него толпились местные урки. Один из них, Зая, всхлипывая, жаловался на кого-то... Другой – Терех – выговаривал ему:

– Чего ты, дурашка, сукоед?! Чего ты разбазарился – успокойся...

– Прекратить это всё, – негромко сказал Егор. – Не могу видеть... Если родители не воспитали – я вам буду отчимом...

Но тут подъехал самосвал. Татарников неспешно спустился к нему по ступенькам. Сел на сиденье, захлопнув за собой предупредительно открытую шофёром дверь. И – уехал.

В Березниках, в ту пору единственном «каменном» городе, построенном среди левобережных болот Камы, был ещё и Дворец культуры, где работали актёрами мои родители. Но местная жизнь протекала отчасти на лагерный лад, так как на другой стороне реки в отдалении раскинулись бескрайние просторы Усоляга.

Позднее отец, отвечая на мой вопрос:

– А на что похож наш город?

Сказал, недолго думая:

– Пожалуй, на Комсомольск-на-Амуре. – И добавил: – Правда, Комсомольск побольше будет, но такой же...

ГДЕ. КОГДА. С КЕМ

Однажды, после возвращения из эвакуации, я написал письмо из Харькова в Березники, что под Пермью, оставшейся там подружке. В письме я, как мог, описал романтику воровской жизни, а в завершение добавил, что мы с паханами разъезжаем по городам и грабим госбанки. В подтверждение написанному я вырезал из книги «Ранок» Микитенко (как я узнал позже – расстрелянного в 37-м) картинку, на которой были изображены беспризорники, играющие в карты на крыше вагона, и вложил её в конверт.

Через какое-то время в нашу полуподвальную квартиру, где я в тот момент находился с бабушкой, вошли два коренастых мужика.

– Ты – Юра? – спросил один из них.

И после утвердительного ответа, показав красное удостоверение, предложил пройти с ними, объяснив бабушке, что это ненадолго – для выяснения кое-каких формальностей.

На улице нас ждал «Виллис». Мы сели в него – и вскоре оказались перед чёрными металлическими воротами с вывеской «Институт стали и сплавов».

Машина затормозила – и после небольшой паузы въехала во внутренний двор.

Меня отвели в кабинет, где на одной из стен висел портрет Берии, и оставили в распоряжении находившегося там человека в гражданском.

Он усадил меня за один из двух столов, стоящих в кабинете. Дал ручку и чистый лист бумаги, сказав лаконично:

– Пиши...

– О чём? – недоуменно поинтересовался я.

– О себе, – ответил он.

Я написал автобиографию.

Хозяин кабинета прочитал написанное мной и, скомкав и выбросив бумагу в мусорную корзину, дал мне новый чистый листок со словами:

– Пиши об ограблениях. Где. Когда. С кем.

В следующий момент внезапно открылась дверь. К нам вошёл мужчина среднего роста в хромовом плаще нараспашку, на вид имевший, как мне показалось, поразительное сходство с портретом Берии.

Выслушав доклад от, видимо, подчинённого ему хозяина кабинета, он, сев на угол стола, за которым был я, проницательно посмотрел...

И вдруг почему-то я стал перед ним оправдываться. Показывая татуировки, говорить, что я – «щипач»-одиночка и ничего общего с налётчиками не имею. И что картинку я вырвал из книги, которую нашёл в дядиной библиотеке.

– Твой дядя, как его... Тимошенко – член партии? – прервал меня он.

– Так точно, коммунист, заведующий отделом обкома, – ответил я.

– Член партии ещё не коммунист... – произнёс он.

И, уже обращаясь к подчинённому, распорядился:

– С мальчишки – «объяснительную», и – отпустить. А дядю – сюда. На профилактику!

Как оказалось, это был начальник Харьковского НКВД товарищ Вассерман.

Года через два-три в одном из киножурналов я увидел прибытие в Москву руководителя британской разведки господина Ойли. И диктор за кадром сообщал, что в аэропорту его встречали: «товарищ Берия, товарищ Гроссман и товарищ Вассерман...»

ПО ЛИЧНОМУ ВОПРОСУ

Однажды, намаявшись от нескончаемой неустроенности после возвращения в Москву, я решил обратиться с просьбой к самому Сталину.

Мне стало известно, что по распоряжению Ворошилова одному из воровских авторитетов дали квартиру в Москве. И я, не имеющий, как говорится, ни кола, ни двора, подумал: ну чем я хуже?!

Решиться на такое было непросто. Прикуривая папироску одну от другой, я какое-то время кружил вокруг Кремля и, наконец отважившись, вошёл в ворота Спасской башни.

В застеклённой будке с надписью «Бюро пропусков», стоявшей перед находящимся в отдалении часовым, сидел майор в форме войск государственной безопасности. Он, поднявшись, откозырял и, обращая ко мне, поинтересовался целью посещения...

– К товарищу Сталину. По личному вопросу, – отчеканил я заранее заготовленный ответ.

– Я, конечно, могу записать вас на приём к Иосифу Виссарионовичу, но придётся долго ждать, – участливо отреагировал офицер. И продолжил после паузы: – Обратитесь лучше в Верховный Совет – как к депутату вы скорее к нему попадёте...

Обласканный внимательным обращением, я вышел на Красную площадь со слезами на глазах и ощущением, что уже побывал у Вождя, и мне ничего не надо!..

МЫ С ВАМИ ГДЕ-ТО ВСТРЕЧАЛИСЬ?

Однажды в Джезказгане (Казахстан) в послевоенное время произошло восстание заключённых. Поводом для этого послужила бурда, которая в тот раз оказалась совершенно не пригодной для еды.

Лагерь гудел, требуя начальника. Неожиданно в зону, ломая забор, въехал танк. Над головами засвистели пули. Люк на башне танка открылся, а показавшийся оттуда танкист объявил в «матюгальник»:

– Всем лежать! Следующая очередь – по людям!

Наступила тишина.

Вдруг недалеко от меня, поднялся один из «политических» и зашел: «Вставай, проклятьем заклеимённый...» За ним, подхватывая песню, стали подниматься другие заключённые.

Танк дал задний ход...

Спустя много лет, я встретил этого «политического» в Москве, в Союзе писателей.

– Мы с вами где-то встречались? – спросил, увидев меня, Михаил Павлович Кудинов.

ПРИНИМАЮ

Однажды я пришёл к Ярославу Смелякову и объявил ему, что вот, дескать, надумал вступить в Союз писателей.

– Одобряю, – буркнул он.

– Да, но, насколько мне известно, для этого нужны рекомендации, – продолжил я деликатно.

– Так в чём же дело?! Приноси! Я тебя принимаю! – снова не понял он.

– Но мне не хватает одной рекомендации! – не выдержал я.

– Извини, – наконец-то уяснил Ярослав Смеляков, – я председатель приёмной комиссии, и рекомендацию тебе дать не могу, но можешь сказать *там*, что я тебя принял.

ЕСЛИ ЧТО – ОБРАЩАЙСЯ!

Однажды летом, будучи ещё молодым поэтом, я поехал в Переделкино знакомиться с Ильёй Сельвинским.

Калитка была заперта, и поэтому я расположился на ближайшем пригорке в ожидании кого-нибудь, кто бы смог провести меня на территорию дачи.

Прошло какое-то время, и вдруг совсем недалеко от себя я увидел невзрачного с виду мужичка, похожего не то на грибника, не то на электрика.

Заметив меня, он остановился и спросил:

– Поэт небось?

– Да, – коротко ответил я.

Он присел рядом со мной и твёрдо сказал:

– Читай.

Выслушав несколько стихотворений – вскричал:

– Это же гениально! Да как они могут тебя не пускать?!

Затем схватил палку и стал открывать ею массивный внутренний засов калитки. Открыв её – распахнул передо мной и удовлетворительно выдохнул:

– Иди! Если что – обращайся! Меня зовут Костя.

Как я узнал позже, это был Константин Ваншенкин.

ИЗВИНИТЕ, НО У ВАС – ХУЖЕ

Однажды, навестив Сельвинского в Переделкине, я застал его на застеклённой веранде со студентами (он был профессором Литературного института).

– А-а, вот сейчас-то нас и рассудит поэт Юрий Влодов, – сказал, представляя меня ученикам, мэтр. – Может ли русский стихотворец носить фамилию Рабинович?

– Конечно, нет, – ответил я, ещё не разобравшись, что к чему.

– Но мне всё равно не нужен псевдоним! – запальчиво отреагировал один из студентов.

– Ну, дело хозяйское, – завершил бесполезные прения Илья Львович.

И после непродолжительной паузы объявил:

– Темой для стихотворения будет слово «рак».

– И вы, Юрий, если хотите, поучаствуйте, – предложил он. – Время пошло.

Мы разбрелись по саду в поисках уединений. На веранде остался только хозяин дачи, тоже принимавший участие в выполнении задания.

Через двадцать минут мы снова собрались вместе.

Восемь студентов, я и Сельвинский по очереди прочитали вслух свежесочинённое.

У меня вышло следующее:

Алябьев – технолог. Алябьев – дурак.

Он шепчет: «У Глеба Максимыча – рак!!»

И уши краснеют у мастера Вити.

И он говорит: «Я – прошу. Прекратите».

У Глеба Максимыча – тысяча дел.

Он в трубку рокочет. Он требует: мел!

*«А я вам толкую – одиннадцать тонн!..»
И пот утирает. И хмурится он.
«А я вам толкую: даёте – и точка!..»
И парусом белым вскипает сорочка...*

После этого каждый должен был назвать, что́ ему больше всего понравилось из услышанного.

И тут-то оказалось: большинство голосов признало лучшим моё стихотворение.

А подвёл итог голосования уже знакомый и в будущем известный – Вадим Рабинович:

– Извините, но у вас – хуже, Илья Львович.

НАС ЧЕТВЕРО

Однажды Илья Сельвинский спросил:

– Как вы думаете, кто я по национальности?

– Не знаю, – ответил я, – наверно... еврей.

– Не угадали. Я – крымчак, – пророкотал он, показывая свой паспорт.

– Но ведь этого не может быть! Такой национальности нет, – изумился я.

– Может не может, а в паспорте записано. Я, возможно, единственный крымчак на Земле. Это, как и поэт, звучит гордо. И вообще нас четверо поэтов в двадцатом веке, – задумчиво сказал он, – Володька Маяк, Серёжка Рязанец, Борька Пастернак и я.

Кто-то сейчас вспоминает лидера конструктивистов Илью Сельвинского!

Я ИЛИ НЕКРАСОВ?

Однажды зимой во Внуково, где мы с моей женой Марой Гриезане жили на даче Твардовского и ухаживали за его собакой, приехал сам хозяин.

Его еженедельные приезды на служебной машине были делом условленным. И поэтому всё происходило, как обычно: приветствия, застолье, разговоры.

– Кто лучший поэт: я или Некрасов? – неожиданно спросил меня Александр Трифонович.

Конечно же, я нашёлся, что ему ответить... Но сам вопрос мне до сих пор кажется странным.

МОЙ ЮНЫЙ ДРУГ

Однажды, оказавшись по каким-то делам во Внукове, я решил зайти к Твардовскому.

Мы столкнулись нос к носу на пороге его дачи.

– Мой юный друг, – сказал он мне, – нет ли у вас чего-нибудь от зубной боли? А то *она* уехала на зимнюю квартиру и забрала все лекарства.

Я отрицательно помотал головой.

– Ну, хорошо, мой юный друг, – продолжил Твардовский, – сейчас мы поедем к Федину, и там что-нибудь придумаемся.

Несмотря на потрёпанный, точнее, фривольный вид, выйдя на дорогу, он сразу же остановил проезжающего на своей машине дачника.

– Мой юный друг, – обратился Александр Трифонович к нему, – не подвезёте ли нас до Переделкина?

Получив утвердительный ответ, мы сели в легковушку...

Услышав наши призывные звонки, калитку дачи Федина открыла сестра Константина Александровича. Выслушав приветствие и просьбу, она спросила:

– Сколько нужно денег на лекарство?

И, получив ответ, принесла требуемую незначительную сумму.

Покупая поллитровку в ближайшем магазинчике, Александр Трифонович бережно спрятал в карман сдачу, и сказал:

– Мой юный друг, вот мы сейчас вылечимся, и вы возвращайтесь в Москву. А я домой как-нибудь сам доберусь.

РЕБЁНОК НИЧЕГО НЕ ЕСТ

Однажды, сидя в беседке с Чуковским, во дворе его переделкинской дачи, мы молча следили за тем, как двое мужчин, на вид лет по сорок, не обращая ни на кого внимания, выгоняли легковую машину Корнея Ивановича из гаража на улицу.

Когда они уехали, аккуратно закрыв за собой гараж и ворота дачи, Чуковский спросил:

– А вы случайно не знаете – кто эти молодые люди?

– Нет, – обескураженно ответил я, – но я думал, что это ваши родственники.

– Да, наверное, кто-нибудь из внуков, – задумчиво сказал он, – надеюсь, вторая машина на месте.

И неожиданно добавил:

– Пойдёмте пить чай. Ребёнок ничего не ест. Совсем отбился от рук.

Под ребёнком подразумевалась его дочь, Лидия Корнеевна, которой в то время было около шестидесяти.

ЭТО – НА ТРУМВАЙ

Однажды от журнала «Смена» я отправился в Переделкино для встреч с Пастернаком и Маршаком.

Подойдя к калитке дачи Бориса Леонидовича, я увидел, как некто в поношенной армейской форме с генеральскими лампасами возится в саду.

– Где хозяин? – крикнул я незнакомцу.

– Уехал за границу, – последовал ответ.

Но в тот же самый момент на дорожке, идущей из глубины участка, появилась знакомая фигура,двигающаяся в моём направлении.

– Так вот же он! – недоуменно вырвалось у меня.

Некто, продолжая делать своё дело, спокойно ответил:

– Значит – вернулся.

А подошедший Борис Леонидович, поздоровавшись, извинился за то, что «аудиенцию» придётся перенести, так как ему надо срочно ехать в город.

Мы дошли до шоссе, ведущего к станции, и расстались.

Тогда я направился вглубь дачного посёлка. Там, около станции «Мичуринец», находилась дача Самуила Яковлевича Маршака.

И опять всё вышло не так, как хотелось. Маршак захворал...

Провожая меня до калитки, он полушёпотом извинялся, и вдруг, прощаясь, протянул мне конвертик.

– Что это? – спросил я.

– Это – на трумвай, – старательно прошептал Самуил Яковлевич.

Я стал отказываться, но всё было напрасно...

– Это – на трумвай, – настойчиво повторил он, и улыбнувшись на прощание, закрыл калитку.

В заключение надо сказать, что я в тот момент нуждался в деньгах. И на выданное мне «на трумвай» прожил порядка двух недель.

ТРЕБУЮ НАЗЫВАТЬ МЕНЯ МИШЕЙ

Однажды, по обыкновению зайдя в «Предбанник» («Пёстрый зал» ресторана Центрального Дома литераторов), я оказался за одним столиком с Михаилом Светловым и Марком Соболев. При этом я хотел бы пояснить, что Михаил Светлов был одним из любимчиков у obsługi «Предбанника», и при необходимости ему отпускали в долг.

Так вот, не помню, по какому поводу, среди дружеской беседы я произнёс:

– Когда сидишь с большим поэтом, сам становишься – большим.

– Ой, хитрец! – взвизгнул Михаил Светлов.

И обратился к официантке, тыча в меня пальцем:

– Зинка, «моё»!

Это означало, что он презентовал: рюмку водки, «хвост селедки» и кусочек хлеба.

– Михаил Аркадьевич! Я сам... – отреагировал я.

И тут произошла заминка.

После чего я услышал:

– Прошу и даже требую, называть меня Мишей...

Но его желание так никогда и не исполнилось.

ЭТО МОЁ РАБОЧЕЕ СОСТОЯНИЕ

Однажды я наблюдал, как Павел Антокольский проходил через фойе ЦДЛ со шлейфом своих поклонников. Все перед ним расступались, уважительно кланяясь.

Заметив Межирова, он притормозил и повелительно воскликнул:

– Подойдите ко мне! Над чем работаете?

И когда тот ему ответил, Антокольский напутствовал:

– Закончите – обязательно покажите мне!

А позже, зимой, я навещал его по неотложным редакционным делам в доме творчества «Переделкино», где он предстал передо мной совсем иным...

Постучавшись в дверь его комнатки в «старом корпусе», я услышал:

– Войдите!

Внутри было темно. И только за счёт отсвета снега из окна можно было разглядеть маленькую фигурку, лежащую в одежде поверх неразобранной постели.

– Свет зажечь? – спросил я.

– Не надо. Это моё рабочее состояние, – ответил Антокольский.

БОЮСЬ, ЧТО БЫСТРЕЕ НЕ ПОЛУЧИТСЯ

Однажды для публикации подборки стихов моего ученика Вали Купцова в журнале, где я работал, потребовалось вступительное слово мэтра. Определившись, я вместе с Валентином поехал в Переделкино к первому секретарю Московской писательской организации Щипачёву.

Когда мы подошли к его даче, калитка была открыта, а в саду находилась жена Степана Петровича, известная тогда театральная актриса Златова. Заметив нас, она спросила:

– Вы по какому делу?

Я объяснил.

– Почитайте что-нибудь, – сказала она Купцову.

После того, как было выслушано и одобрено несколько стихотворений, нас повели в кабинет Щипачёва, на второй этаж дачи.

– Стёпчик, – обратилась жена к мужу, – тут принесли хорошую лирику и просят написать вступительное слово для «Смены».

– Оставьте, – величественно молвил седовласый мэтр, – и зайдите недели через две.

– Но журналу нужно срочно! – встревожился я.

– Боюсь, что быстрее не получится, – сухо ответил Степан Петрович.

– Ну, зачем ты так... Зайдите завтра в это же время, – вмешалась жена.

На следующий день, снова приехав в Переделкино, мы из её рук получили то, что требовалось.

Я ЕЙ БЛАГОДАРЕН

Однажды в Переделкине зимним днём Ярослав Смеляков работал в своей комнате в мансарде. В то же самое время внизу, у него под окном, дети, живущего в отдельном домике сторожа, играли в снежки.

– Танька, – раздражённо крикнул Смеляков своей жене, Татьяне Стрешневой, – скажи, чтоб не мешали думать!

– Яра, ну что ты, успокойся... – ответила она.

И через некоторое время во дворе стало тихо. Но ненадолго...

– Танька... – повторно обратился со своим требованием к жене Ярослав Смеляков.

Прошло ещё какое-то время. И во дворе снова раздались детские крики...

– А вот и блинчики ноздреватые... – послышался за дверью у Смелякова голос Татьяны Стрешневой.

– Грёбанный в рот, – не выдержал Ярослав, – тут первый поэт России для народа поэму сочиняет, а какая-то шантрапа сосредоточиться не даёт! Всё – я их увольняю.

– Яра, – попробовала смягчить мужа жена, – где же зимой в Переделкине работу найдёшь?!

– Не моё дело. Чтоб завтра же их не было! – как отрезал Смеляков.

Проснувшись на следующее утро, он почти сразу увидел тело повесившегося на дереве под его окном сторожа, который так и не нашёл себе новую работу.

– Наливай, – говорил мне Ярослав несколько дней спустя.

И, глядя в сторону жены, задумчиво добавлял:

– Баба, но человек. Я ей благодарен... Ну, давай выпьем за неё!

У Ярослава Смелякова, прошедшего через две войны, два плена, трижды сидевшего в советских лагерях, произошёл психологический надлом. И в скором времени он скончался.

НЕ ФУНТ ИЗЮМА...

Однажды, после весело проведённой ночи, очутившись к рассвету в районе Цветного бульвара – мы с редакционными друзьями из журнала «Смена» на одном из перекрёстков увидели Евтушенко. Он показался мне застывшим в позе, чем-то напоминающей памятник Маяковскому.

И когда я подошёл к нему, он с усталой, но гордой интонацией произнёс:

– Представляешь, Юра, две девственницы за ночь!

Как-то раз, переночевав у Юры Смирнова, зимним утром я вышел покурить на лестничную площадку.

Из окна была видна башня Бутырской тюрьмы.

Я, приметив часового и злорадствуя, что нахожусь по эту сторону – сделал эмоциональный жест и выругался вслух. А оказавшийся рядом Смирнов, ставший невольным свидетелем, изрёк:

– Жизнь, впрочем, как и поэзия – это, брат, не фунт изюма...

Юра замёрз в одну из последовавших зим на ступеньках заднего крыльца ЦДЛ. Его вывели из ресторана проветриться, и – забыли...

А ТЕПЕРЬ – АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Однажды я оказался в дружной бригаде с Андреем Вознесенским во главе на поэтическом вечере. Зал был полон. Люди размещались не только на положенных местах, но и сидели на полу перед нами, в проходах и на подоконниках.

Мы, выступавшие, по очереди «разминались» за сценой спиртным. Понемножку. Чтобы глаза блестели.

И вот, когда Вознесенский вышел из-за кулис, облизывая влажные губы, ведущая вдруг объявила:

– А теперь – Андрей Вознесенский.

Публика взревела.

Андрей, после некоторой заминки, уверенно шагнул к микрофону и начал читать «Осень в Сигулде»...

*...в прозрачные мои лопатки
вошла гениальность, как
в резиновую перчатку
красный мужской кулак...*

САМОЕ КОРОТКОЕ...

Однажды Коля Глазков поведал мне забавную историю.
– Недавно выступал, – начал он, – с бригадой в ЦДЛ.
Всем разрешили – по стишку. И говорят: покороче. Ну,
я им и прочитал самое короткое:

*Мы –
Умы...
А вы,
Увы!..*

После чего смотался домой.
В 22.18 – покинул ЦДЛ.
В 22.45 – ужинал дома.
(Он жил, как написано в его стихах: «Арбат, 44, квар-
тира 22».)

Пришёл чёрный лимузин.
В 23.12 – я предстал перед генералом в форме неизвест-
ных войск.
«Кого ты имел в виду?» – зычно спросил он.
«Королевну аглицкую и подлую свиту её!» – честно от-
ветил я.
В 23.54 – я был дома. В постели...

Тут наш разговор прервал оклик одного моего давнего
знакомого.

– Ну ладно, закрываю беззубую пасть, – сказал Коля.
А когда мой знакомый подошёл – представился:
– Николай Глазков. Гений.

Я, КАК ПИСАТЕЛЬ...

Однажды меня познакомили с оказавшимся в Москве председателем белорусского колхоза, который обратился ко мне с просьбой: помочь ему срочно написать поэму о партизанах.

Мы договорились о цене, и – поехали на Ломоносовский проспект, к его родственникам, где, расположившись в просторной кухне, начали работу.

В принципе дело обстояло так: между нашими разговорами и едой, я сочинял стихотворное произведение на героическую тему из жизни партизан. А мой собеседник, оказывается, мечтавший о литературной славе (ему этого не хватало для полного счастья!), постепенно набирал маститость, и к концу ночи уже заявлял:

– Я, как писатель...

Через пару месяцев знакомые передали мне бандероль, в которой находился минский журнал «Неман» с опубликованной под именем Председателя поэмой.

ТЫ ОТВЕЧАЕШЬ...

Однажды, работая в «Московском комсомольце», я придумал поэтическую рубрику: «Книга – в газете». Обмозговав в общем и целом, как это можно сделать, я направился со своим предложением к исполнявшему обязанности главного редактора Саше Шифрину.

Надо сказать, что «Московский комсомолец» переживал тогда смену главных редакторов. А Саша, будучи «замом» предыдущего «главного», временно возглавлял газету. Проявляя инициативу, наверное, в надежде на повышение – он с удовольствием поддержал меня.

– Давай, – сказал он, – ты отвечаешь за неё.

Первая «Книга – в газете» была, конечно же, моей, и вышла она в феврале 1969 года. А потом пошли книги: Мары Гриезане, Юрия Смирнова, Вадима Черняка, Александра Аронова, Олега Чухонцева...

С тех пор много воды утекло.

Аналоги рубрики появились в различных изданиях. И не только «Книга – в газете», но и «Книга в журнале», «Книга в альманахе» и т. п.

И слава Богу!

В один из дней ко мне в редакцию пришёл незнакомый автор. Он поздоровался и, продолжая что-то безостановочно говорить, порвонно достал из «дипломата» коньяк...

– На работе не пью, – решительно заявил я.

– Ну, потом как-нибудь... в честь нашего знакомства, – ответил гость, и продолжил: – Вообще-то я не поэт, но поэзию люблю. Вот принёс вам свою подборку...

Коньяк остался у меня, а из подборки мне понравились два стихотворения, которые и были вскоре опубликованы в рубрике «Турнир поэтов». Правда, на оставленных мне оригиналах не было полного имени автора, поэтому так и прошло в публикации: В. Жириновский.

Известным же Владимир Вольфович Жириновский стал позже, в период перестройки, создав и возглавив ЛДПР (Либерально-демократическую партию России).

Время от времени мы с Ароновым выпивали в «Московском комсомольце». И, естественно, в какой-то момент в очередной раз зашёл разговор о поэзии.

– Ты считаешь меня поэтом? – неожиданно спросил Саша.

– Конечно! – ничуть не сомневаясь, ответил я.

Саша нагнулся и откуда-то из-под стола, за которым мы сидели, достал банку домашнего варенья. Вертя её в руках – поинтересовался как бы на всякий случай:

– Закусывать будешь?

Наступила пауза.

И тут Саша размахнулся, и, швырнув банку в противоположную стену, выкрикнул:

– Да здравствуют поэты!

Банка от удара – разбилась. А возникшее легендарное пятно ещё долго было украшением кабинета.

НЕ ПОМНЮ

Однажды, направляясь в «Предбанник», у бокового входа в Малый зал я заметил Александра Аронова (явно уже побывавшего в «Предбаннике»). Подойдя к нему, я увидел в приоткрытую дверь, что в едва ли наполовину заполненном зале свои стихи с присущей ему монотонностью читает Иосиф Бродский (это было до его отъезда в эмиграцию), а рядом за столом председательствует Арсений Тарковский.

– Юрка, я его убью, – прорычал Саша.

И вдруг я заметил в руке у него ножницы.

– Кого? За что? – изумился я.

– Бродского. Он же у меня жену увёл!!! – взбешённо ответил Аронов. – Нинку!!!

Я стал озираться по сторонам, ища помощи.

В это время из «Предбанника» нетвёрдой походкой вышла Ахмадулина.

– Белла... – направился я к ней и объяснил ситуацию.

– Боже! – со свойственной ей эмоциональностью отреагировала она, и пошла к Саше.

Постояв немного у приоткрытой двери, она неожиданно воскликнула:

– Графоман! Правильно! В глаз ему надо, ножницами...

После чего одобрительно чмокнула Сашу в щёку.

Я снова стал озираться по сторонам, ища поддержки.

Но почти сразу же увидел недалеко Юрия Левитанского – и кинулся к нему...

– Хорошо, – спокойно ответил он, внимательно выслушав меня, – сейчас мы их «погрузим» в «Москвич» Беллы. И я отбуксирую его к дому.

Что мы, с Божьей помощью, и сделали.

На следующий день Александр Аронов удивлялся:

– Юра, представь себе, просыпаюсь утром в квартире у Ахмадулиной и Нагибина... А как туда попал – не помню.

АТУ ЕГО!

Однажды в один из летних дней, оказавшись часов в одиннадцать утра близ Колхозной площади, я решил зайти в «Литературную газету», чтобы умыться, побриться и т. д. Надо сказать, что в то время я не имел постоянного места жительства. Ночевал в парках и на вокзалах, спал в электричках и кинотеатрах, однако продолжал заходить в редакции и общаться с писателями.

Так вот, открыв одну за другой две массивные двери и уверенно войдя в здание, занимаемое газетой, я показал привставшей навстречу мне вахтерше большой конверт.

И отчеканив:

– Водитель, – как бы не обращая внимания на охрану, проскочил в помещение.

После чего быстро поднялся на второй этаж, заперся изнутри в туалете и стал приводить себя в порядок. Окончив намеченные дела, я вдруг расслабился и прилёг вздремнуть на стоявшую внутри кушетку...

Разбудили меня стук и лязг закрытой щеколды. Открыв ходившую ходуном дверь, я увидел перед собой Чаковского с тревожно поблёскивавшими на носу очками.

– Водитель, – неуверенно сказал я оторопевшему хозяину туалета.

И, скорее интуитивно, используя возникшую паузу – сунув пустой конверт в руки главного редактора, побежал вниз.

А за спиной слышались гневные выкрики Александра Борисовича, обращённые к кому-то из сотрудников. Но все они для меня звучали одинаково, на манер:

– Ату его!

И ПОШЛИ ВЫ ВСЕ НА Х...

Однажды в общежитии Литературного института произошла драка.

В общем-то, ничего необычного в этом не было, если не считать того, что на этот раз били Анатолия Передреева, который, будучи бугаём и мордобойцем хоть куда, сам не отличался покладистостью. Например, заметив в Центральном Доме литераторов кого-нибудь, ему не очень симпатичного, он мог запросто выгнать его со словами: «Не признаю. Пошёл на х... Вон отсюда!»

Так вот, в общежитии я оказался, когда «действие» уже свершилось...

А началось всё, как мне рассказал по свежим следам Коля Рубцов, с того, что Передреев, случайно встретившись с ним на шестом этаже, взял да и набил ему морду. Видно, был не в духе.

Николай же взял да и пошёл после этого к братьям Эрику и Валентину Сафоновым, которые шефствовали над ним и жили этажом выше. Замечу попутно, что братья (особенно Эрик) по умению драться превосходили даже Передреева.

Выслушав Рубцова, Сафоновы – спустившись на этаж ниже, одним ударом ноги выбили дверь. И в процессе завязавшегося выяснения отношений всего-навсего сломали несколько рёбер хозяину комнаты, не считая разбитой утвари и перевёрнутой мебели. Правда, Анатолию Передрееву пришлось подлечиться в больнице...

А позже, когда Рязанская писательская организация исключала из своих рядов Солженицына, Эрик Сафонов, как говорят, бросил на стол свой членский билет, уйдя со словами:

– Он единственный писатель среди нас. И пошли вы все на х...

НЕ ЛЮБЛЮ ПЬЯНИЦ

Однажды ночью мы с Колей Рубцовым слонялись в поисках выпивки по коридорам спящего общежития Литературного института. Был уже второй час ночи.

– Все от нас попрятались, – сказал я Коле, и продолжил:
– Слушай, ведь, как правило, Игорёк Ляпин возвращается поздно, – пойдём к нему...

(Все знали, что студент и парторг своего курса Игорь Ляпин – жених дочери второго секретаря Правления СП СССР, курирующего Литературный институт, Сергея Сартакова, и поэтому он имел негласные привилегии.)

– Дело-то хорошее, но он прижимист... – ответил Рубцов.

Но всё-таки мы решили рискнуть, и не прогадали...

Не успели мы дойти до комнаты Игорька, как в коридоре этажа появился и сам хозяин. Он, поравнявшись с нами, небрежно произнёс:

– Здорóво, поэты – вдохновения набираетесь?

И тут же неожиданно добавил:

– Пойдёмте ко мне. Я «выдал поэмку на-гора». Мне ваше мнение небезынтересно...

Его комната была не в пример другим: вся в коврах, надушенная, кроме того, в ней были холодильник и радиола.

– Разуваться не надо, – сказал Игорь, набросав на пол газеты от порога до ближайших кресел.

Переоделся, надев на себя халат поверх рубашки и брюк. И только после этого спросил:

– Что предпочитаете, водку или коньяк?

– Водку! – нетерпеливо выпалил Рубцов.

Хозяин выставил на стол: для гостей – водку, для себя – коньяк. Достал закуску: шпроты и абрикосовый компот.

– Да вы не стесняйтесь, поэты! – подбодрил он.

После чего сел напротив нас и начал читать поэму о Донбассе, при этом надо сказать, что Игорь Ляпин был из династии шахтёров.

Вскоре после распитой бутылки захмелевший Коля начал толкать меня под столом ногой, приговаривая:

– Ну-ну, ну-ну...

– Ты кончай, Рубцов, эту мимику. Если что-то не нравится – скажи. Я, как поэт, выдержу, – отреагировал Ляпин.

И, прекратив чтение, добавил:

– Мне надо поработать... Ну, вы не частите – но раз в неделю я вас приму.

Довольные, мы вернулись в свою комнату, где всё было обшарпано, а на полу сопел во сне Толик Третьяков, спившийся зять Наровчатова.

Указывая пальцем на Третьякова, Рубцов произнёс:

– Не люблю пьяниц.

ЭТО МОЙ КРЁСТНЫЙ

Однажды зимой, часа в три ночи, я добирался домой от Наташи Хлебниковой. Мороз стоял страшный, такой, что дышать было почти невозможно. И моё «добирался» сводилось к безоглядному бегу через дворы от её дома до своего, а они – находились на противоположных сторонах Ломоносовского проспекта, в районе кинотеатра «Прогресс».

Пробежав мимо телефонной будки, я остановился и вернулся к ней. В будке на полу сидел незнакомец ногами наружу, телефонная трубка висела над его головой, издавая тревожные короткие гудки. Приглядевшись, я узнал в нём Владимира Соколова, жившего в ближайшем доме. Он замерзал, лицо у него было в инее.

Нанеся несколько пощечин и поняв, что человек без сознания, а силёнок возиться с ним не хватит, я устремился за угол – к подъезду, в котором он жил.

Дверь открыла вахтёрша, здоровая баба.

– Соколов? Да пусть подышает, – выдала она после моих объяснений.

– Ну, пойдём, так же нельзя... – стал упрашивать я.

И она сдалась.

Мы с трудом волоком дотащили его до подъезда, а уже там начали растирать снегом, стараясь привести в чувство...

Когда Владимир Соколов зашевелился и пришёл в себя, я вновь продолжил возвращение домой.

– Это мой крёстный, – говорил позднее Соколов про меня.

Он прожил после этого случая двадцать два года.

НЕЛЬЗЯ ЛИ НАЗВАТЬ...

Однажды меня вызвали на заседание секции поэзии Московской писательской организации.

– Говорят, вы имеете «клиентов», так вы их, кажется, называете, которым за определённую плату пишете стихи. И среди них есть члены нашего Союза. Нельзя ли назвать открыто имена этих писателей? – неуверенно произнёс председательствующий.

На что я ответил:

– Не имею никаких клиентов. Но если бы я начал называть имена тех, кому помогал и помогаю, то даже в этой комнате их оказалось бы трое.

В наступившей тишине я услышал, как заскрипели стулья, и увидел, как сидящие стали подозрительно коситься друг на друга.

Вопрос был исчерпан, и я ушёл.

Хотя теперь скажу, что никого из четырнадцати клиентов, ставших членами Союза писателей и пользовавшихся моими услугами, среди них не было.

У-У, ЛЯГУХА-МУХА!

Однажды, пообещав Ане Гедымин с устройством на работу в «Огонёк», я оказался в неловком положении, так как в тот период мои контакты с этим журналом были прерваны.

Но («давши слово – держись!») я нашёлся: придумал «легенду».

По этой «легенде» я как бы получил письмо от своей бывшей жены Мары Гриезане: известной поэтессы, сотрудницы «Огонька», уехавшей в Асканию-Нова. В письме как бы находился отдельно запечатанный конверт, адресованный Анатолию Владимировичу Софронову. В запечатанном конверте была записка, написанная под мою диктовку случайной знакомой от имени Мары (подчерк-то требовался женский!). А вот в конце этой записки – *post scriptum*, в котором якобы Мара просила взять свою ученицу Анну Гедымин литконсультантом, и что, вернувшись, Гриезане сама собиралась заняться её дальнейшей судьбой...

Верно рассчитав, когда Софронов появится в редакции, я пришёл к нему.

Он прочитал записку. Мы с ним потолковали о Маре. После чего, попрощавшись, я стал уходить из кабинета и уже на пороге, словно невзначай, напомнил:

- Да, там какая-то приписка о девочке...
- А где девочка? – спросил Анатолий Владимирович.
- Я её к вам пришлю... – ответил я.
- Ну, не ко мне – я дам указания ответственному секретарю Иванову, – поставил точку в разговоре главный редактор.

Из дома я позвонил Иванову – узнать, было ли дано указание...

– А вы кто? – хлопотливо и буднично спросил ответственный секретарь «Огонька».

Я назвалса отцом.

После чего Иванов стал мне обстоятельно объяснять, что он бы рад помочь, да свободных мест нет и т. д., и т. п.

– Ладно, не беспокойтесь, – сказал я, – Николай Матвеевич найдёт, куда её пристроить.

– Какой Николай Матвеевич? – насторожился Иванов.

– Ну, Грибачёв...

(Н.М. Грибачёв был Председателем Верховного Совета РСФСР, главным редактором журнала «Советский Союз».)

После явного замешательства, я услышал:

– Обождите, папа! Зачем же Николая Матвеевича беспокоить?! Я посмотрю...

И после паузы:

– Всё. Место есть. Пусть завтра приходит с фотографиями...

В дальнейшем, изредка встречая Гедымин в коридоре, Софронов удивлялся:

– Чей ребёнок тут?! Я же сказал, чтобы детей в редакции не было!

– Я ничей не ребёнок. Я Аня – ваш литконсультант, – бойко отвечала Анна.

– У-у, лягуха-муха! – изумлённо произносил свою любимую присказку Анатолий Владимирович. После чего, огромный, как «дядя Сэм», величественно удалялся в клубах сигарного дыма.

А НУ ПОЙДЁМ – РАЗБЕРЁМСЯ!

Однажды одна из «Литературных гостиных», которые я проводил в журнале «Юность» (в то время редакция располагалась на Садовом кольце, близ станции метро «Маяковская»), была посвящена Николаю Тряпкину.

И когда она закончилась, мы вместе «пошли на выход»: я и он (ему было около 80-ти), опирающийся с одной стороны на меня, а с другой – на трость...

Пока ждали машину, среди прочего нам вспомнилась известная история его первой публикации в «Новом мире».

Тогда Николай, поджидая Твардовского у входа в редакцию, разложил перед собой на газете простую еду – сало, хлеб, лук – и наскоро закусывал.

– Кто таков? – спросил подошедший Александр Трифонович.

– Я – по-о-эт!.. – ответил с присущим ему заиканием Тряпкин, вытирая засаленные руки о край газеты.

– А ну пойдём – разберёмся! –скомандовал ему главный редактор «Нового мира».

И в результате их разговора вскоре в журнале появилась подборка Николая Тряпкина из пятнадцати стихотворений.

ПОГОВОРИЛИ

Однажды, разговаривая с Сергеем Телюком по телефону, я предложил:

– Знаешь, у меня тут есть материалац... Ты бы зашёл как-нибудь. Поговорим.

Что он, в долгий ящик не откладывая, и сделал. А теперь рассказывают обо мне бог знает что.

2003–2004

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Мир. Дочь склонилась над листом...»	7
Игры в шахматы с живыми фигурами	8
«Ещё зимнее утро скрыто полумраком...»	9
Варшавский мотив	10
«Ни облачка над ней...»	11
«Как осень неожиданно пришла...»	12
«Стоит начаться осенним дождям...»	13
Зарисовки. Воспоминания об Украине	
1. «А славяне шли с заката на восход...»	14
2. «Жаворонки в небе. Мазанки невдалеке...»	
«Под Грюнвальдом смоленские полки...»	16
«Я один в этом жухлом пространстве...»	17
«На могиле отца запустенье...»	18
Настроенческий микст переходного периода	
1. «Во времена глобальных перемен...»	19
2. «Дружок, припомни, как юнцами...»	20
3. «Кто знает, что реально неуместно...»	21
«Уставясь в бездонность полночных небес...»	22
«И приходит весна, время надежды на лучшее...»	23
Акростихи	
1. «Гладь морская до горизонта...»	24
2. «Серебровы в Ильинке...»	25
3. «Море. Алеет над мысом закат...»	26
На качелях	27
Из набросков с натуры	
1. «С начала нынешнего века...»	28
2. «Без глупостей, вполне возможно...»	29
«Лишь высветится горизонт на небе...»	30
«Не намекая даже на предтечу...»	31
Нешуточное дело	
1. «Допустим, был ты гениален...»	32
2. «Венчание на жизнь нешуточное дело...»	33
«Про город Борисов услышу – в ответ...»	34
«Вот за окном фонарь погас...»	35
«Веселится солнце за окном...»	36
«А в январе покуда всё путём...»	37
«Совсем недавно пару дней подряд...»	38
«Круг замыкается. Вот-вот спадёт листва...»	39

«И новый век не слаще предыдущих...»	40
«Зима проходит словно втихаря...»	41

КОЕ-ЧТО О ЮЛИВАННЕ

Избранное

(Вольный перевод с детского на взрослый)

Кое-что о том, о сём <i>(Из Бориса Заходера),</i>	
Ветер на речке <i>(Из Зинаиды Александровой),</i>	
Про туберозу <i>(Из Сергея Михалкова),</i>	
Что такое хорошо и что такое плохо? <i>(Из Владимира Маяковского),</i>	
Ко дню рождения Юливанны <i>(Из Даниила Хармса)</i>	
.....	45–53

ОДНАЖДЫ В XX ВЕКЕ

Избранное

(Из бесед на кухне у Юрия Володова)

От автора (из книги «Однажды в XX веке», год издания: 2014)	57
Семья, сыночка...	59
Нельзя! Вождь!	60
Разведка, пацан!	61
Я вам покажу, тыловые крысы!	62
Я вам буду отчимом	63
Где. Когда. С кем	64
По личному вопросу	66
Мы с вами где-то встречались?	67
Принимаю	68
Если что – обращайся!	69
Извините, но у вас – хуже	70
Нас четверо	72
Я или Некрасов?	73
Мой юный друг	74
Ребёнок ничего не ест	75
Это – на трумвай	76
Требую называть меня Мишей	78
Это моё рабочее состояние	79
Боюсь, что быстрее не получится	80
Я ей благодарен	81

Не фунт изюма...	83
А теперь – Андрей Вознесенский	84
Самое короткое...	85
Я, как писатель...	86
Ты отвечаешь...	87
Не помню	89
Ату его!	91
И пошли вы все на х...	92
Не люблю пьяниц	94
Это мой крёстный	96
Нельзя ли назвать...	97
У-у, лягуха-муха!	98
А ну пойдём – разберёмся!	100
Поговорили	101

Сергей Юрьевич Телюк
СУБЪЕКТИВНАЯ ДАННОСТЬ

Стихи, истории

Подписано в печать 22.08.2026.
Формат 60×90/16. Печ. л. 6,75.
Тираж 100 экз. Заказ № 54-11\25.

ISBN 978-5-6051361-2-5

ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга».
Тел.: (495) 252-7510
<http://www.raduga-print.ru>

